

Императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ¹⁾.

По донесеніямъ агентовъ Вѣнской тайной полиціи.

Русскій Императоръ былъ безспорно самой выдающейся личностью изъ числа коронованныхъ особъ, съѣхавшихся осенью 1814 г. на конгрессъ въ Вѣну; онъ болѣе всѣхъ привлекалъ вниманіе и интересовалъ и жителей Вѣны, и иностранныхъ дипломатовъ. Сложный душевный міръ этого богато одареннаго и прекрасно образованнаго монарха остается до сихъ поръ загадкой; таковой онъ представлялся и современникамъ, которые видѣли его постоянно колеблющимся между самымъ высокимъ идеализмомъ и самой мелкой расчетливостью, то изысканно любезнымъ и вѣжливымъ, то рѣзкимъ и несдержаннымъ; несомнѣнно одно, что, несмотря на свои 37 лѣтъ, Александръ не производилъ ни на кого впечатлѣнія человѣка вполне зрѣлаго и уравновѣшеннаго.

Читая многочисленные отзывы объ немъ Вѣнскаго общества, которые передавались министру полиціи Гагеру агентами австрійской тайной полиціи, прежде всего бросается въ глаза, что эти отзывы, въ большинствѣ, были неблагопріятны Императору. Онъ „не оправдалъ ожиданій и потерялъ при ближайшемъ знакомствѣ“.

Всѣ отзывы сходятся единогласно въ томъ, что главной чертой характера Александра I было тщеславіе; всѣ отмѣчаютъ

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus ihren Papieren, Von August Fournier. Wien 1913.

его желаніе властвовать и играть первенствующую роль—черты, которыя несомнѣнно усилились послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзниками надъ Наполеономъ. Александръ зналъ, что, рѣшивъ продолжать войну внѣ предѣловъ Россіи, онъ взялъ на себя роль „освободителя Европы“, поэтому онъ ставилъ себя выше другихъ и былъ склоненъ преувеличивать свою власть и значеніе. Это проявлялось самымъ разнообразнымъ образомъ и въ особенности въ усвоенной Государемъ привычкѣ давать всевозможныя торжественныя обѣщанія, которыя онъ не всегда могъ выполнять, а когда это обнаруживалось, онъ съ свойственной ему недовѣрчивостью и подозрительностью объяснялъ это обыкновенно не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а личными противъ него интригами. На этой почвѣ чрезвычайно обострились во время конгресса отношенія русскаго Императора къ руководителю австрійской политики.

Злополучная привычка связывать себя обѣщаніями заставила Александра, еще до вступленія въ Парижъ, торжественно *обѣщать* полякамъ возстановить королевство Польское, что было имъ подтверждено въ извѣстномъ письмѣ къ Костюшко отъ 8 мая 1812 г., а когда его планы относительно Польши вызвали неудовольствіе союзниковъ, то, чтобы не быть вынужденнымъ отдать прусскому королю польскія земли, Государь *обѣщалъ* Фридриху Вильгельму свое содѣйствіе въ присоединеніи къ Пруссіи *всей* Саксоніи, хотя онъ понималъ, что онъ и тутъ столкнется съ интересами Австріи. Принцу Евгенію Богарне Александръ *обѣщалъ*, что онъ получитъ самостоятельное владѣніе. „Ручаюсь Вамъ за это“, сказалъ онъ, если вѣрить донесенію одного полицейскаго агента; впрочемъ, это подтверждается и перепиской принца Евгенія съ его супругой. Въ бытность въ Парижѣ Александръ *обнадежилъ* сестру Наполеона, Елизавету Браччіоки въ томъ, что княжество Лукка будетъ оставлено въ ея владѣніи, о чемъ она напомнила Государю письмомъ во время Вѣнскаго конгресса. Еще въ 1812 году, Екатерина Павловна писала Государю: „Одно изъ главныхъ обвиненій противъ Васъ, что Вы не сдержали слова, даннаго москвичамъ“.

Наполеонъ I также называлъ Александра „fourbe et faux“; состоявшій на пенсіи Россіи греческій архіепископъ Игнатій (изъ Яссъ) говорилъ, что „Императоръ компрометируетъ себя, не выполняя данныхъ имъ обѣщаній; онъ проповѣдуетъ гуманность, а въ душѣ готовъ всѣхъ обмануть“.

Извѣстный прусскій государственный дѣятель Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ жаловался на „властолюбіе и коварство“ Але-

ксандра, „прикрытія личиною гуманности и благородныхъ либеральныхъ идей“. Даже Чарторыйскій, другъ Императора, занесъ въ свою записную книжку: „Оригинальная, большая, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки ограниченная душа. Въ немъ есть что-то мелочное, низменное, ограниченное“. Датскій посланникъ, заболѣвшій въ декабрѣ мѣсяцѣ (1814 г.) разлитіемъ желчи, высказывалъ удивленіе по поводу того, что при „коварствѣ“ и „mauvaise foi“ русскаго Императора этою болѣзнію не страдалъ еще весь конгрессъ“.

Многіе другіе (напр. представитель Франціи Дальбергъ), считали Императора настолько неуравновѣшеннымъ, что высказывали опасенія, что онъ „кончитъ такъ же, какъ его отецъ“.

По словамъ одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ агентовъ полиціи, скрывавшаго свою фамилію подъ **, мужчины осуждали Александра за то, что онъ „не посѣщалъ общественныхъ учрежденій, не интересовался художественными произведеніями, не пріобрѣталъ мѣстныхъ издѣлій, что въ немъ не было ничего „оригинальнаго“; ему ставили въ вину, что „его никогда не видѣли сидящимъ за письменнымъ столомъ, что по утрамъ онъ занимался только разводами, катался верхомъ, ѣздилъ на охоту, дѣлалъ визиты, а по вечерамъ танцевалъ далеко за полночь или прогуливался по закоулкамъ Вѣны подъ руку съ Евгениемъ Богарне ¹⁾“.

Много повредили Александру во мнѣніи общества также его многочисленныя галантныя приключенія; его считали „легкомысленнымъ и непостояннымъ“; самыми опасными врагами его доброй славы оказались женщины, которыя раньше представляли его себѣ инымъ, какъ въ смыслѣ красоты, такъ и обхожде-

¹⁾ Танцы были любимымъ развлеченіемъ Императора, онъ ими такъ увлекался, что въ Вѣнѣ говорили, что „Императоръ одержимъ танцманіей“, онъ былъ въ нихъ неутомимъ и вообще любилъ проводить время въ обществѣ. Объ удивительной выносливости Государя, когда дѣло шло объ увеселеніи, свидѣтельствуемъ австрійскій чиновникъ Фридманъ ф. Генцъ въ письмѣ къ валахскому господарю отъ 1 іюня 1814 года (письмо это было напечатано въ англійскихъ журналахъ; разсказъ Генца относится ко времени пребыванія Александра въ Англии). „Императоръ пріѣхалъ въ Hôtel Pulteney съ принцессой Ольденбургской въ 3 часа утра изъ Оксфорда“—писалъ Генцъ, „тотчасъ переодѣлся и отправился на балъ къ лэди Джерси, гдѣ онъ танцевалъ до шести часовъ утра. Въ 10 часовъ онъ уже поѣхалъ осматривать различныя общественныя учрежденія, затѣмъ обѣдалъ у лорда Кестлери, въ 11 часовъ отправился въ театръ, а послѣ спектакля къ маркизѣ Гердфордъ, гдѣ оставался до 3 часовъ, пока всѣ не разъѣхались“.

нія; вообще иностранцы сильно въ немъ разочаровались, говорили, что онъ „оставилъ неблагоприятное впечатлѣніе“, что узнавъ его ближе „его громкимъ фразамъ перестали вѣрить, также точно какъ и его филантропіи, подъ которой скрывалось только непомерное честолюбіе“, его считали „неискреннимъ, человекомъ безъ нравственныхъ основъ, хотя онъ и говорилъ о религіи какъ святой и строго соблюдалъ внѣшніе обряды“.

Столь неблагоприятные отзывы о монархѣ, который незадолго передъ тѣмъ пользовался всеобщей симпатіей, высказываемые съ рѣдкимъ единодушіемъ самыми разнообразными лицами, принадлежавшими ко всѣмъ слоямъ общества, могутъ дать поводъ думать, что лица, повторявшія эти отзывы въ своихъ донесеніяхъ министру полиціи, придавали имъ, быть можетъ умышленно, такую окраску, чтобы быть пріятными Меттерниху, къ которому Александръ I относился во время Вѣнскаго конгресса весьма непріязненно. Но это соображеніе отпадаетъ, если принять во вниманіе, что Меттернихъ далеко не всегда читалъ эти донесенія, которыя шли изъ министерства полиціи прямо къ императору Францу, и главное, что въ нихъ нерѣдко встрѣчаются рѣзкіе отзывы о самомъ Меттернихѣ, у котораго было не мало недоброжелателей и, наконецъ, что анонимность сообщеній (имена корреспондентовъ—тайныхъ агентовъ полиціи—были извѣстны одному лишь министру полиціи Гагеру) исключала возможность получить за сдѣланныя сообщенія какое-либо возмездіе.

По мѣрѣ того какъ конгрессъ затягивался, въ чемъ вполне справедливо обвиняли Императора Александра I и его неуступчивость въ польскомъ вопросѣ, жители Вѣны, утомленные долгимъ пребываніемъ иностранныхъ монарховъ, непомерными расходами, какіе это влекло за собою, и вадорожаніемъ жизни, вслѣдствіе чего „конгрессъ превратился для нихъ въ настоящее бѣдствіе“ (*calamité*), угрожавшее новымъ налогомъ, который называли въ шутку „*Burgeinquartierungssteuer*“, были озлоблены въ концѣ концовъ противъ русскаго Императора, и охотно передавали другъ другу все то, что было не въ его пользу. Его осуждали, напр., за то, что онъ не пріѣхалъ на пожаръ дома графа Разумовскаго, сгорѣвшаго въ ночь подъ новый годъ, въ то время какъ „императоръ Францъ слѣдилъ за работой пожарныхъ и даже сильно простудился“. Наконецъ на одномъ маскарадѣ, на масленичной недѣлѣ, Императору Александру наговорили столько непріятнаго, что онъ пересталъ посѣщать маскарады и полиціи пришлось даже принять мѣры къ тому, чтобы огра-

дить Государя отъ непочтительныхъ возгласовъ публики, когда онъ прогуливался по вечерамъ подъ руку съ принцемъ Богарне по узкимъ улицамъ стараго города.

Что касается самого Императора, то онъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ; по крайней мѣрѣ первое время по пріѣздѣ говорилъ, что онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо. „Къ русскимъ я привыкъ; въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ я побывалъ во время кампаніи, я видѣлъ много нищеты и много недовольства; въ Англіи слишкомъ много народа; въ одной Австріи можно найти все, что есть въ другихъ странахъ, и народъ пользуется разумной свободой“. Однажды Государь сказалъ даже императору Францу: „хорошо, что Вѣна такъ далеко отъ Петербурга, иначе я бывалъ бы здѣсь каждыя двѣ недѣли“.

Императору доставляло удовольствіе, что вѣнскія аристократки, среди которыхъ было много красивыхъ женщинъ, относились къ нему любезно и предупредительно, это льстило его самолюбію. Онъ съ самаго начала отличилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: княгиню Эстергази, графиню Софію Зичи, княгиню Ауерспергъ, княгиню Лихтенштейнъ, юную графю Сечени, но дамы скоро подмѣтили, что, ухаживая за ними, Государь „не столько увлекался ихъ красотой, какъ самъ хотѣлъ нравиться, быть предметомъ обшанія“.

Въ Вѣнѣ много говорили объ отношеніяхъ Императора къ княг. Багратіонъ, у которой онъ бывалъ каждый день, засиживаясь о глубокой ночи. Эти посѣщенія очень интересовали вѣнскую полицію, и она установила бдительный надзоръ за домомъ, гдѣ въ бель-этажѣ жили двѣ соперницы—красавицы: княгиня Багратіонъ и герцогиня де-Саганъ. Императоръ Александръ говорилъ Багратіонъ, что австрійцы очень хотѣли, чтобы онъ сблизился съ Саганъ, чтобы вывѣдывать черезъ нее то, что ихъ интересовало; для этого были пущены въ ходъ всѣ средства, но это имъ не удалось. „Ее посадили даже однажды ко мнѣ въ карету“, говорилъ Государь. „Я отдаю дань чувствамъ, но этого мало, мнѣ нуженъ и умъ“.

Княгиня Багратіонъ была въ восторгѣ отъ вниманія, которое ей оказывалъ Императоръ Александръ, и не могла удержаться, чтобы не передать кое-что изъ своихъ бесѣдъ съ Государемъ одному близкому къ ней лицу, черезъ котораго онѣ сдѣлались достояніемъ полиціи и сохранились въ ея архивѣ. Нѣтъ возможности, конечно, провѣрить въ точности ли переданы княгиней слова Императора Александра, но такъ какъ

многое вполне согласуется съ его характеромъ и съ сообщеніями прочихъ лицъ, то ея слова заслуживаютъ вѣры.

Особенно часто въ разговорахъ съ Багратионъ упоминалось имя Меттерниха, который незадолго передъ тѣмъ былъ человѣкомъ близкимъ къ княгинѣ, но измѣнилъ ей, увлекшись другой красавицей—герцогиней Саганъ. Однажды Императоръ выразилъ желаніе знать исторію ея связи съ Меттернихомъ и почему онъ охладѣлъ къ ней. Выслушавъ княгиню, Государь замѣтилъ: „Меттернихъ не любитъ ни васъ, ни Саганъ“, это человѣкъ холодный, посмотрите, какое у него каменное лицо, (*figure de plâtre*), онъ никого не любитъ“. Чтобы отомстить Меттерниху за измѣну, Багратионъ рассказывала Императору, Лагарпу, Анстетту, Нессельроде и другимъ все, что она знала объ немъ и все, что она когда-либо слышала неблагопріятнаго объ Австріи и объ австрійцахъ.

1-го ноября Александръ провелъ вечеръ у Багратионъ. Говорили о Лагарпѣ, о Меттернихѣ, о Талейранѣ, о принцѣ Евгеніи Богарне и др.

„Я обязанъ Лагарпу тѣмъ, что я сталъ человѣкомъ“, передаетъ слова Александра княгиня Багратионъ; „монархъ обыкновенно только монархъ и болѣе ничего; онъ же сдѣлалъ изъ меня человѣка, и я буду ему благодаренъ за это всю жизнь“.

О Талейранѣ Александръ отозвался несочувственно; „онъ, его не любитъ“. Евгенія Богарне очень хвалилъ; „принцъ Евгеній не только превосходный офицеръ“, сказалъ Императоръ, „онъ очень честный человѣкъ; если онъ захочетъ поступить ко мнѣ на службу, я охотно приму его; онъ велъ себя превосходно“. Объ австрійскомъ генералѣ, князѣ Шварценбергѣ, Государь говорилъ съ похвалою; сказалъ, что онъ любитъ его и что генералъ обладаетъ однимъ исключительнымъ качествомъ: „во время сраженія онъ ни о чемъ иномъ не думаетъ и даже совершенно забываетъ о себѣ“; хвалилъ также Біанки, какъ прекраснаго офицера, Коллорадо и Людвига Лихтенштейна. „Меттерниха Государь ненавидитъ, знаетъ его и совершенно не боится, говорить, что добьется отъ него всего, что онъ захочетъ“. Много говорили о политикѣ; княгиня, по ея словамъ, имѣла мужество спорить съ Государемъ о Саксоніи и Польшѣ, защищая точнѣе зрѣнія противоположную его взглядамъ. „Но это было совершенно бесполезно“, говоритъ она, „его не убѣдить. Онъ говоритъ, что это для него вопросъ чести, что онъ далъ слово полякамъ, что онъ обязанъ сдержать его, что онъ отъ него не отступить, хотя бы на него обрушился весь міръ; онъ побѣдетъ изъ Вѣны

въ Мюнхенъ, оттуда въ Берлинъ, а затѣмъ въ Варшаву, гдѣ провозгласить себя королемъ польскимъ и приметъ мѣры, ежели этому вздумаютъ воспротивиться“. „Польша наша, — сказалъ онъ въ заключеніе. Она должна остаться нашей; я никогда не откажусь отъ нея. Я занялъ ее съ 200.000 арміей; увидимъ, кто прогонитъ меня оттуда“. Княгиня присовокупила, что Поццо-де-Борго говорилъ ей наканунѣ, что Россія получитъ Польшу во что бы то ни стало; „ибо въ настоящее время никто не можетъ бороться съ Россіей“.

Возвращаясь къ тому, что говорилъ Императоръ, Багратіонъ сказала, что онъ въ этомъ вопросѣ не пойдетъ ни на какія уступки, онъ хочетъ получить все великое герцогство Варшавское, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, когда онъ завоевалъ его у французовъ“.

Багратіонъ передавала также, что „наслѣдный принцъ Вюртембергскій хотѣлъ поговорить съ Императоромъ Александромъ и убѣдить его отказаться отъ мысли восстановить королевство Польское“.

Позднѣе, это было въ февралѣ 1815 г., когда всѣ были измучены нескончаемыми переговорами и не находили выхода, Лагарпъ сказалъ какъ-то Багратіонъ, что напрасно Александру никто не объяснитъ какъ слѣдуетъ сущность дѣла; „онъ, Лагарпъ, ручается за его сердце, но надобно заставить его послушаться голоса разсудка, такъ какъ онъ многое понимаетъ превратно; онъ говорилъ съ нимъ и часто очень рѣзко, но теперь пересталъ говорить изъ боязни, чтобы не показалось, что онъ все еще хочетъ играть роль гувернера“. Саксонцы, по его мнѣнію, должны бы сами съ полнымъ довѣріемъ обратиться къ Александру, и ихъ шаги навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ.

На это княгиня отвѣтила, что подъ вліяніемъ своихъ разговоровъ съ нимъ, Лагарпомъ, она посоветовала принцу Кобургскому поговорить съ Императоромъ; принцъ былъ у него, но „былъ принятъ, какъ собака“, и раскаивается въ томъ, что пошелъ; она не смѣетъ болѣе ничего сказать Императору Александру, онъ ничего не слушаетъ, всякое противорѣчіе раздражаетъ его и хотя онъ продолжаетъ бывать у нея, но какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ, чтобы не дать случая къ разговору; теперь его полнымъ довѣріемъ пользуется Чарторыйскій, такъ какъ онъ дѣлаетъ всегда видъ, что раздѣляетъ его мнѣніе.

Однажды, когда Государь заговорилъ съ княгиней о Чарторыйскомъ, она осмѣлилась сказать, что Чарторыйскій не нра-

Дѣйствительно ли положеніе Меттерниха было настолько поколеблено въ исходѣ 1814 г., какъ утверждалъ Лагарпъ? Талейранъ писалъ своему королю, въ то же самое, приблизительно, время, что „Императоръ Францъ послалъ безъ вѣдома министра“, своего друга, камергера графа Закингена, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ, къ нему, Талейрану и къ Вреде съ просьбою, чтобы переговоры по польскому вопросу не были закончены до возвращенія монарховъ изъ поѣздки въ Венгрію“ (въ ноябрѣ мѣсяцѣ еще никто не предполагалъ, что эти переговоры затянутся на много мѣсяцевъ); это было принято какъ знакъ недоувѣрія къ Меттерниху, но конечно это еще не означало, чтобы Францъ I былъ готовъ отказаться отъ услугъ своего перваго совѣтника, взгляды котораго именно на польскій вопросъ онъ вполне раздѣлялъ, котораго онъ только-что возвелъ въ княжеское достоинство и увольненіе котораго было бы на руку Россіи и вполне соответствовало ея желаніямъ.

У Меттерниха, какъ свидѣтельствуя донесенія тайныхъ агентовъ, было много личныхъ враговъ и политическихъ противниковъ, въ особенности среди австрійской аристократіи, которая не могла ему простить, съ одной стороны, что онъ такъ неожиданно для всѣхъ занялъ мѣсто человѣка ея круга—Филиппа Стадіона, во вторыхъ—что онъ способствовалъ браку дочери императора, Маріи Луизы съ „ненавистнымъ выскочкой“ и такъ долго поддерживалъ его на тронѣ. Въ разсматриваемыхъ донесеніяхъ упоминается о томъ, что Меттерниха осуждали—и не только одни его враги—за то, что онъ не заключилъ до конгресса договора относительно Польши; но мало кому было извѣстно, что Императоръ Александръ постоянно уклонялся отъ разговоровъ на эту тему съ тѣхъ поръ, какъ Австрія примкнула къ коалиціи и только по заключеніи Парижскаго мира выступилъ съ требованіями, которыя Меттернихъ считалъ вполне неприемлемыми. Объ этомъ говоритъ Гарденбергъ въ письмѣ отъ 29 марта 1825 г. Гнейзенау: „Никто, какъ Россія, виновъ, что мы не заключили союзнаго договора въ Парижѣ и въ Лондонѣ; она съ каждымъ днемъ повышала свои требованія“. Достоинно вниманія, что и Каподистрія, который во время конгресса снискалъ особое благоволеніе Александра, также упрекаетъ Меттерниха въ томъ, что онъ упустилъ удобный моментъ заключить соглашеніе или до перехода черезъ Рейнъ, или при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ.

В. Тимощукъ.